

AB

Книги Анны Берсеновой – истории сильных чувств:

СЕРИАЛ «ГРИНЕВЫ. КАПИТАНСКИЕ ДЕТИ»

Последняя Ева
Возраст третьей любви
Неравный брак
Ловец мелкого жемчуга
Первый, случайный,
единственный

СЕРИАЛ «СЛАБОСТИ СИЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ»

Слабости сильной женщины
Рвнивая печаль

СЕРИАЛ «ЕРМОЛОВЫ»

Яблоки из чужого рая
Антистерва
Мурка, Маруся Климова

«ПОДРУГИ С МАЛОЙ БРОННОЙ»

Уроки зависти
Опыт нелюбви
Этюды Черни

«ЛЮБОВНЫЙ ФАРФОР»

Звезда по имени Эстер
Красавица некстати
Азарт среднего возраста

«ТРИ ДОЧЕРИ»

Ответный темперамент
Игры сердца
Французская жена

Странная Лиза
Портрет второй жены

Стильная жизнь
Полет над разлукой

Гадание при свечах

Флиртаника всерьез

Все страсти мегаполиса

Женщина из шелкового мира

Рената Флори

Глашенька

Бангелия

«ЖЕНЩИНЫ ДА ВИНЧИ»

Женщины да Винчи
Вокзал Виктория
Героиня второго плана

Анна
Берсенева

лучшие годы
Риты

роман

Москва
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б51

Художественное оформление серии
П. Петрова

В оформлении книги использована
репродукция картины Натальи Тур
«Первоцветы» (2005 г.)

Берсенева, Анна.

Б51 Лучшие годы Риты : роман / Анна Берсенева. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Русский характер. Романы Анны Берсеновой).

ISBN 978-5-699-90716-8

Есть ли на свете человек, которому не знакомо уныние? Вот и Рита Германова — сильная и незаурядная женщина, всего в своей жизни добившаяся собственным трудом, — попала в его сети. Она впервые в жизни сознает, что не в силах бороться с внешними обстоятельствами. Конечно, они стали сейчас трудны, как и у большинства людей. Но ведь Рита никогда не боялась трудностей! И все-таки уныние одолело ее... Неужели в нем пройдут лучшие ее годы? И вдруг встреча с бывшими одноклассниками — давно забытыми, живущими в маленьком провинциальном городке, — полностью меняет Ритину жизнь...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сотникова Т., 2016
© Тур Н., иллюстрация, 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-90716-8

ЧАСТЬ I

Глава 1

«Э то чувство мне знакомо, как... Как что?» Рита уже минут пять разглядывала пятна света на потолке, но ничего знакомого, кроме стихов, прочитанных в юности, с ними так и не связывалось. Да и стихи эти, мелькнувшие сейчас у нее в голове, к пятнам не имели вообще-то никакого отношения.

И вдруг она вспомнила! Мама привезла ее в Москву поступать в Полиграфический институт, потому что Рита спала и видела себя художницей. Они поселились у папиной дальней родственницы, которая жила в Гнезниковском переулке, в длинном доме, еще до революции построенном Нирнзее. Когда Рита вошла в этот дом, ей показалось, что она бывала здесь много раз, хотя раньше она о Нирнзее даже не слышала. За весь июнь в тот год не выдалось ни одного пасмурного дня, потолки в доме были высокие, окна тоже, в них каждое утро заглядывало солнце.

И вот то ощущение — чужого места, в котором тебе почему-то так легко и хорошо, что оно вы-

глядит знакомым, — связалось в Ритином сознании с такой обыкновенной в общем-то вещью, как пятна утреннего света на высоком потолке.

Поняв это сейчас, Рита одновременно поняла, что все-таки обманывает себя. Тогда, в Доме Нирнзее, ей было семнадцать лет и она была безумно влюблена. Именно безумно — пятна света складывались в портрет, и это был портрет Игоря Салынского. И не сами собою они складывались, а потому что, едва проснувшись, она доставала из-под подушки его фотографию и всматривалась в нее. Когда Рита после этого поднимала взгляд, силуэт Игоря проступал на потолке.

Кончилось все это тем, что через неделю Рита сказала маме, что поступать в Полиграф передумала, и это была правда. Она мечтала стать художницей всю жизнь, сколько себя помнила, а передумала за неделю, потому что поняла, что жизнь без Игоря не имеет смысла. И если в Москве его нет, то зачем же ей Москва, и Полиграф, и вымечтанное будущее? Ни за чем.

Мама вздохнула с облегчением, сказала: «Ну и ладно. Что это за работа, художница? Дома всю жизнь будет красками пахнуть», — и они вернулись в Меченосец.

Все тогда в Гнездниковском переулке было так же, как сейчас в Бонне, — белые высокие потолки, ясный свет по утрам, необъяснимое ощущение незнакомости дома и одновременно естественности своей жизни в нем. Все, кроме влюбленности.

И отсутствие этого компонента в сегодняшнем Ритином дне меняло общую картину до неузнаваемости.

Зазвенел колокол в церкви Святого Николая. Рита успела открыть балкон, умыться и даже сварить себе кофе, а он все звенел и звенел, каждым своим размеренным ударом утверждая правильность всего, что будет происходить на этой улице воскресным июньским утром.

В Ритиной жизни, впрочем, этим утром не должно было происходить ничего. И днем тоже, и вечером. Но такое бывало редко, поэтому само по себе являлось событием.

Квартира, которую она снимала в Бонне, находилась на первом этаже, поэтому балкон можно было считать верандой. Он был обращен не на улицу, обычную улицу в центре города, по которой ходили люди и трамваи, а на противоположную сторону дома — к горе Венусберг. Кипарисы, растущие справа и слева от балкона, были подстрижены так, что походили на плотные стены. Тишину нарушал только колокол, да и он уже затих. Сидя на балконе с чашкой кофе, Рита видела перед собой ястребов, парящих над поросшей лесом Венериной горой.

Она смотрела на этих ястребов — или орлов? — и размышляла. Нельзя сказать, чтобы размышления ее были веселы или хотя бы приятны.

За последний год ее бизнес замирал, замирал и вот наконец замер окончательно. То есть, конечно, она продолжала закупать в Германии медицинское оборудование и поставлять его заказчикам

в России. Но с тех пор как из числа заказчиков стали одна за другой выбывать государственные больницы, закончилось то, без чего она не мыслила ни какого бы то ни было дела, ни жизни своей вообще, — развитие. Колесо времени словно повернуло вспять, закрутилось в обратном направлении, и в результате этого движения Рита вернулась к тому, с чего начинала пятнадцать лет назад. Среди ее заказчиков пока оставались несколько частных клиник в Москве, одна в Петербурге, одна в нефтяном поселке на Ямале... Но было ясно, что через год и тех не будет: не на что владельцам станет содержать дорогие, со сложным оборудованием частные клиники. И незачем станет их содержать, потому что те немногие люди, которые к тому времени еще смогут пользоваться такими услугами, поедут за медицинской помощью за границу, если до сих пор не живут там постоянно. Да и Риту, скорее всего, из этой сферы вытеснят: слишком могущественны и слишком бесстыдны те, кто намерен в ней работать, никаких конкурентов они на уменьшающемся пятачке не потерпят.

Рядом с кипарисами росла липа. Она цвела огромными желтыми цветами, и дышать вокруг нее можно было только их безмятежным духом. По стволу липы вскарабкалась с земли белка, уселась на ветке у балкона и принялась разглядывать кофейную чашку. Рита принесла из кухни орешки, положила на балконные перила. Белка тоже перебралась на перила и стала их есть. Риту она не боялась ничуть. И пестрая сойка, прилетавшая вчера, не боялась. И еж, всю ночь фыркавший в траве

перед балконом. Никто здесь никого не боялся, жизнь текла размеренно, и невозможно было поверить, что закончился огромный ее этап. А главное, невозможно было поверить, что впереди не новый этап, а сплошное море беспросветного уныния.

Рита еще с полчаса посидела на балконе, потом оделась, вышла на улицу, села в трамвай, пересела в автобус — в Москве она уже и забыла, когда пользовалась общественным транспортом, поэтому с особенным удовольствием ездила на нем в Бонне, — доехала до Рейна и весь день гуляла в парке. Он казался бесконечным, в нем были пруды, луга и дорожки, зайцы и гуси, воздушные шары и велосипеды — в нем было море покоя, из него можно было не уходить никогда.

Рита поднялась с нижней прогулочной террасы над рекой на верхнюю и смотрела, как плывут по Рейну корабли и баржи, как покой соединяется с работой и как работу и покой охраняют семь гор Зибенгебирге на противоположном берегу.

Может быть, это лучшее место на земле для того, чтобы понять, как ей строить свою жизнь дальше. Но за весь день Рита так и не поняла на этот счет ничего, а значит, едва ли поймет в Москве. Это не помогало избыть уныние. Мелькнула даже испуганная мысль: а может, я и приезжаю-то сюда в последний раз? Но это уж точно была глупость, потому что у нее оставались в Бонне партнеры и контракты, и с какой стати — в последний? Но все-таки Рите стало не по себе от такой мысли.

С нею в голове вернулась она спустя несколько часов в Москву, и молчание, которым встретила квартира в Старопименовском, избавиться от этой мысли не помогло.

Глава 2

«Мне надо взять отпуск. Почему нет, собственно? Я надеялась, что добуду для себя работу на ближайшее время. Но такая работа не добылась, и чего же ради сидеть летом в городе? Надо уехать куда-нибудь и отдохнуть».

Дачи у Риты не было — грядки и кусты она возненавидела в детстве вместе со вкусом морковки и смородины. Конечно, если бы она купила дачу теперь, то там не было бы ни ягодных кустов, ни тем более овощных грядок, но предубеждение было таким сильным, что устраивать для себя дачную жизнь Рите не хотелось совершенно.

Обычно она не выдумывала ничего особенного и ездила отдыхать в Испанию. Или в Грецию, или в Хорватию, чтобы подешевле. Во всяком случае, на море — Рита не любила смешивать отдых с путешествием, и если чувствовала себя усталой, то ей требовалось не исследование новых мест, а именно отдых: отель, пляж, вечерняя прогулка по нарядной набережной. В последние лет пять она уезжала из Москвы одна, но уже на второй-третий день оказывалась в веселой компании, иногда русской, иногда английской или немецкой. И в иностранной все чаще: с людьми Рита сходилась так же лег-

ко, как в молодости, но с возрастом стала предпочитать общение ненавязчивое, оставляющее время для самостоятельного существования.

Такой способ отдыха устраивал ее во всех отношениях. В том числе и в смысле романов, которые при этом могли возникнуть и возникали.

Но сейчас она не рассчитывала на роман, и не то что даже не рассчитывала, а совершенно его не хотела. Не усталость охватила ее, а уныние; да, она сразу нашла правильное слово. Из усталости можно выйти взбодрившись, и новые знакомства для этого очень даже хороши, а от уныния не избавишься с помощью такой бодрящей банальности, как курортный роман.

Мама позвонила как раз в ту минуту, когда Рита открыла сайты трех отелей на Коста-Брава, сравнивала цены и размышляла, не полететь ли ей лучше на Балеары, новых впечатлений ради. Мама удивительным образом умела быть несвоевременной. Впрочем, так было всегда, Рита привыкла и сердиться на это не видела смысла.

— Приехать бы тебе на день-два пораньше, — сказала мама.

— Куда приехать? — спросила Рита. — И пораньше чего?

— Женщина не должна быть такой, — ответила мама.

Если это можно было считать ответом.

Спрашивать, какой такой, Рита не стала. Во-первых, примерно знала, что услышит, а во-вторых, услышанное точно не явилось бы ответом на два первых существенных вопроса.

— Мама, куда я должна приехать? — вздохнув, повторила она.

— Ничего ты мне не должна!

— Так куда?

— Соня сказала, ты ей на письмо ответила. Ну и тут же забыла, понятно. От одноклассников какая тебе польза!

А, вот что!.. Про встречу с одноклассниками Рита действительно забыла. Но не потому, что от нее нет пользы, а потому, что двадцать пять лет окончания школы — не то событие, ради которого ей захотелось бы приехать в Меченосец. А мама была в Москве две недели назад, и ехать ради того, чтобы повидаться с ней, Рита тоже не планировала. На письмо Сони Антоновой, которая устраивала встречу, она ответила просто потому, что установила для себя правило отвечать каждое утро на все электронные письма. Но приехать не обещала точно.

Рита представила, как будет тащиться три часа по раздолбанному, словно после бомбежки, шоссе вдоль вереницы унылых домов, посеревших деревянных и выщербленных кирпичных, и ей даже не по себе стало. Вот как раз именно это следует проделать, когда на душе и так тошно!

Она уже собралась было сказать маме, что занята в ближайшую неделю по работе... И поняла, что сказать этого не может. Правило не лгать было установлено ею для себя так же, как правило отвечать на письма, и даже тверже оно, видимо, было установлено.

В восьмом классе они с девочками — да вот и с Соней Антоновой, кстати, — поспорили, дей-

ствительно ли правду говорить легко и приятно, как это утверждалось в романе «Мастер и Маргарита», которым они все тогда были увлечены.

— Ну, приходится, конечно, правду говорить, — сказала Соня. — Но только потому, что врать стыдно. И совсем это не легко, с чего Булгаков взял? И что в этом приятного? Наоборот, неприятности одни. Все на тебя обижаются.

— А мне легко, — пожала плечами Рита. — А значит, и приятно. Ну, раз само собой получается, — пояснила она.

— Это потому что ты вообще такая, — вздохнула Соня. — Никого тебе не жалко, и себя тоже.

Рита и сейчас не понимала, так ли это, но правду ей и сейчас сказать было проще, чем солгать.

— Я приеду, — сказала она маме. — Но не пораньше.

«Еще не хватало растягивать удовольствие! — подумала она при этом. — Ладно, в конце концов, не на Чукотку».

Глава 3

В июне зелень еще не потемнела и не покрылась пылью, поэтому дорога до Меченосца выглядела не так безотраднo, как представлялось из Москвы. Хотя, конечно, ямы и колдобины... Как ни старайся, все не объедешь, и машину жалко. Но Рита еще после первой вмятины на первой своей машине сказала себе: это всего лишь кусок железа, его можно починить, а если нельзя почи-

нить, то можно купить новый, а значит, убиваться по нему бессмысленно. Поэтому из-за подвески она переживала не слишком, хотя и морщилась каждый раз, когда машина ухала в очередную промоину на асфальте.

Рита уехала из Меченосца двадцать пять лет назад. В первые годы, приезжая домой на каникулы или на выходные, она чувствовала, что сердце у нее начинает биться быстрее, когда в окне вагона появляется пожарная каланча, единственная старинная достопримечательность. Но со временем это чувство ослабевало, а теперь уже и не возникало совсем.

Видимо, связь с родным городом не относится к разряду тех, над которыми не властно время. Возможно, она является лишь биологической и потому му изменилась вместе с Ритиным организмом.

Да и что не изменилось в ее жизни за двадцать пять лет? Ничего неизбежного не могла она назвать. Так у всех, наверное.

— Горячую воду отключили, — сообщила мама, как только Рита вошла в квартиру. — Забыла тебе сказать.

А если бы и не забыла? Все равно впрок не намоешься. Бойлер ставить мама не хотела категорически — говорила, что лучше погрееет воду на плите, чем станет платить бешеные деньги за электричество.

Сколько Рита себя помнила, мама всегда ходила дома в чем-нибудь затрапезном. Когда-то в этом, может, и была необходимость: приличные вещи были считанные, купить их было трудно или просто

не на что, и все старались поэтому их не снашивать. Но теперь-то вещи продавались везде, и Рита присылала маме достаточно денег. И какой-то особенной скупостью та вроде бы не отличалась... Но все равно ходила дома в застиранном фланелевом халате, от одного вида которого Рите хотелось удавиться.

Однако говорить об этом с мамой она давно перестала. Халат так халат. Другие вон вообще в ночной рубашке дома ходят — никого же нету, говорят.

— Я почему хотела, чтобы ты пораньше приехала? — сказала мама. — На даче пол провалился, надо перестелить.

— Мама! — Тут уж Рита не выдержала. — Я тебе тысячу раз говорила: про дачу мне, пожалуйста, не рассказывай. Не хочешь продавать — возись. Насколько можешь. Денег я тебе на это дам, но заниматься ею не буду.

— Да, ты бездушная, — кивнула мама. — Ну, дай тогда денег. Я просто боялась тебе про это по телефону сказать.

«Чего ж ты, интересно, боялась?» — чуть не спросила Рита.

Но не спросила все-таки. Вопрос бессмысленный, да и разве ей это интересно?

Она привезла из Германии лекарство для печени — когда мама была в Москве, Рита свозила ее в клинику, и терапевт сказала, что немецкое лекарство подойдет наилучшим образом. Больше везти маме из Германии было нечего: все, что могло ей понадобиться, продавалось в Меченосце, и даже гораз-